

**ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
И РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ (БАНКРОТСТВОМ)**

А. Г. Кудрявцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 февраля 2012 г.

Аннотация: статья содержит обзор тенденций уголовной политики и связанных с этим изменений (реформирования) норм российского уголовного законодательства о преступлениях, связанных с банкротством, происходивших в последнее десятилетие. Отталкиваясь от исследований признанных специалистов, автор постарался дать собственную оценку происходящим реформам, указать плюсы и минусы противоречивых тенденций уголовной политики по отношению к криминальным банкротствам.

Ключевые слова: уголовная политика, несостоятельность (банкротство), экономические преступления, криминальные банкротства, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство.

Abstract: article contains the review of tendencies in the criminal policy and the changes (reforming) of norms in the Russian criminal legislation about the crimes connected with bankruptcy, taking place in last decade. Making a start from the researches of recognized experts, the author has tried to state own estimation to occurring reforms, to specify pluses and minuses in inconsistent tendencies of a criminal policy in relation to criminal bankruptcies.

Key words: criminal policy, insolvency (bankruptcy), economic crimes, bankruptcy crimes, unlawful actions during bankruptcy, premeditated bankruptcy, fictitious bankruptcy.

Политика государства в сфере противодействия преступности объединяет в себе кроме собственно правовых, также и иные меры – социальные, экономические и другие, направленные на ее предупреждение и сокращение¹. Однако при всей важности неправовых мер воздействия на преступность вообще и экономическую – в частности преуменьшать значимость и превентивную роль охранительных норм отечественного уголовного закона в этом вопросе нет никаких оснований. Бесспорно и то, что формулирование таких норм, т.е. процесс криминализации отклоняющихся от предписанных положениями позитивного права форм экономического поведения, имеет очевидную политическую окраску. Именно поэтому уголовно-правовая политика государства, включенная в состав более широкой по объему государственной политики противодействия преступности, не просто сохраняет свое самостоятельное значение, но и выступает в качестве основы, фундамента первой, ее приоритетной и оп-

¹ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 20–21.

© Кудрявцев А. Г., 2012

ределяющей составляющей. Как справедливо отмечается в литературе, именно на основе уголовной политики государства формируются стратегия и тактика политики и уголовно-исполнительной, и уголовно-процессуальной, и криминологической².

Что же понимается под уголовной (уголовно-правовой) политикой государства? Позволим себе в рамках настоящего анализа опустить значительное количество предложенных в юридической литературе трактовок такой политики и, не вдаваясь в серьезную научную дискуссию о понятии и содержании указанного феномена, приведем лишь определение Н. А. Лопашенко, которое представляется нам наиболее емким и точным. По мнению ученого, уголовная (уголовно-правовая) политика государства – это «часть внутренней политики государства, основополагающая составляющая государственной политики противодействия преступности, направление деятельности государства в сфере охраны³ наиболее важных для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений от преступных посягательств, заключающаяся в выработке принципов определения круга преступных деяний и законодательных признаков последних и формулировании идей и принципиальных положений, форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях ее снижения и уменьшения ее негативного влияния на социальные процессы».

Для целей настоящей статьи внутри уголовно-правовой политики государства можно выделить ту ее составную часть, которая ориентирована на законодательную практику криминализации и практику применения (реализации) норм о преступлениях в сфере отношений несостоятельности. Речь идет о так называемых криминальных банкротствах, под которыми мы собирательно понимаем деяния, предусмотренные нормами ст. 195–197 УК РФ. С соответствующей долей условности и с учетом дефиниции, приведенной выше, можем предложить следующее понимание уголовно-правовой политики (частного проявления политики) государства в сфере охраны отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством). Рассматриваемая политика – это самостоятельное направление деятельности государства в сфере охраны прав и законных (имущественных и иных экономических) интересов участников конкурсного процес-

² См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 18–28 и др.

³ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 25–26. Как отмечает сама Н. А. Лопашенко, употребляя термин «охрана», она оперирует терминологией действующего уголовного закона. При этом ученый оговаривается, что сама по себе постановка задачи охраны интересов личности, общества и государства – не до конца корректна, так как априори невыполнима. Из такого предположения, с которым, как представляется, следует согласиться, вытекает следующее, также нами разделяемое суждение: ориентировка на задачи «охраны», прописанные законодателем в ст. 2 УК РФ, приводит к неприятному (поскольку соответствующему во многом действительности) выводу о неэффективности норм действующего уголовного закона, которые не могут такую охрану обеспечить, раз преступления все-таки совершаются. Подробно и развернуто об этом см.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 463–524.

са, охраны самих отношений несостоятельности от преступных посягательств. Реализация государством уголовной политики в данной сфере также заключается в выработке грамотных принципов определения круга преступных деяний, связанных с банкротством, и их законодательных признаков, во взвешенном формулировании идей и принципиальных положений, предложении форм и методов уголовно-правового воздействия на преступное поведение в указанной (достаточно узкой) сфере в целях снижения и уменьшения его очевидного негативного влияния на экономические и социальные процессы, связанные с отношениями несостоятельности (продуцируемые ими).

Обращение к политико-правовому анализу норм о криминальных банкротствах ни в коем случае не свидетельствует о желании доказать какую-либо их приоритетность в деле охраны (защиты) экономики, а отсюда – о сверхважности проводимой в указанной сфере уголовно-правовой политики государства. Интерес в обращении именно к этим положениям уголовного закона связан с тем, что в новейшей «судьбе» (эволюции) норм ст. 195–197 УК РФ так или иначе нашли отражение почти все основные тенденции реформации преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), продолжающейся на протяжении всего периода действия УК РФ. Подробно эти тенденции были обозначены и описаны Н. А. Лопашенко, отметившей также их совпадение, по сути, с тенденциями уголовной политики на уровне законотворчества⁴. Основная же идея настоящей работы – руководствуясь логикой и положениями исследования вышеуказанного ученого, проследить и в общих чертах охарактеризовать происходящие в уголовной политике государства процессы в их взаимосвязи с конкретными фактами корректировки норм ст. 195–197 УК РФ, ссылки на которые Н. А. Лопашенко достаточно часто использует в качестве иллюстраций выделяемых тенденций.

Так, обозначая (и оценивая в целом отрицательно) *тенденцию к расширению сферы преступного и наказуемого*, проявляющуюся изначально в *первичной криминализации поведения, ранее преступным не признававшегося*, ученый приводит пример с дополнением нормы о неправомерных действиях при банкротстве (ст. 195 УК РФ) частью 3-й⁵. Новелла предусматривала ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего или временной администрации кредитной организации. Криминализация соответствующего поведения была осуществлена законодателем принятием Федерального закона от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»⁶ (далее – Федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ).

⁴ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 215–223.

⁵ См.: Там же. С. 216, 218.

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 52 (ч. 1). Ст. 5574. Отметим, что впоследствии диспозиция ч. 3 ст. 195 УК РФ подверглась незначительной корректировке, уточняющей ее содержание в соответствии с положениями позитивного законодательства, о чем мы скажем ниже.

Полностью соглашаясь с критикой увлечения законодателем криминализацией экономических преступлений, в свете нашего анализа также позволим себе высказать откровенные сомнения в криминологической обоснованности вышеуказанного дополнения перечня неправомерных действий при банкротстве. Но предварительно, не смягчая, правда, категоричности своей оценки, оговоримся об очевидных неточностях (неполноте) законодательной формулировки диспозиции ч. 3 ст. 195 УК РФ.

Так, анализ диспозиции ч. 3 ст. 195 УК РФ позволяет однозначно утверждать, что соответствующий уголовно-правовой запрет на незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации перечисленными в диспозиции, а равно иными способами распространяется **только (!)** на ситуации, «когда функции руководителя юридического лица, в том числе кредитной или иной финансовой организации, возложены соответственно на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной или иной финансовой организации». То есть применительно к организациям, не являющимся кредитными (финансовыми), речь идет лишь о процедурах внешнего управления и конкурсного производства. Именно на этих стадиях вышеуказанные категории арбитражных управляющих, на которых возлагается управление делами должника, замещают собой фигуру прежнего руководителя, полномочия которого прекращаются (абз. 2 п. 1 ст. 94, п. 2 ст. 126 Федерального закона от 26.12.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. по состоянию на 6 декабря 2011 г.) (далее – Закон о несостоятельности)⁷).

В рамках же процедур наблюдения и финансового оздоровления органы управления должника, в том числе его руководитель, продолжают действовать параллельно с временным и административным управляющим соответственно, пусть и с ограничениями, установленными Законом о несостоятельности (ст. 64, 82). Однако вполне очевидно, что необходимость анализа документов, отражающих финансовое состояние и хозяйственную деятельность должника, возникает и у временного, и у административного управляющих. Получается, что законодатель «забыл» обеспечить уголовно-правовую защиту соответствующих прав данных категорий управляющих, а вместе с ними и иных участников отношений несостоятельности, в первую очередь кредиторов, чьи интересы так или иначе зависят от результативности действий управляющего. А ведь речь идет, ни много ни мало, о праве на получение временным управляющим любой информации и документов, касающихся деятельности должника (абз. 7 п. 1 ст. 66 Закона от несостоятельности), подкрепленном корреспондирующей обязанностью органов управления должника предоставлять таковую (п. 2 ст. 66). Аналогичное право требовать от руководителя должника информацию о его текущей деятельности предоставлено административному управляющему (абз. 2 п. 4 ст. 83 Закона от несостоятельности).

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

Таким образом, все вышесказанное позволяет нам констатировать абсолютную неудачность формулировки новеллы ч. 3 ст. 195 УК РФ, распространяющей свой запрет на сферу деятельности лишь некоторых разновидностей управляющих. С позиции же категоричного подхода считаем в принципе необоснованным решение законодателя выделить в отдельную норму «воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации». Как представляется, соответствующую охранительную и предупредительную (предостерегающую) функцию вполне могла бы должным образом осуществлять общая норма ч. 1 ст. 195 УК РФ о неправомерных действиях при банкротстве. В ее диспозиции содержатся запреты на сокрытие (передачу иным лицам, отчуждение, уничтожение) имущества и информации (сведений, документов) о нем. Очевидно, что лицом, от которого имущество (информация) скрываются, вполне могут выступать и арбитражные управляющие, и временная администрация кредитных или иных финансовых организаций. Последний вывод, кстати, указывает на еще одно возможное следствие абсолютно необоснованной криминализации описываемых ч. 3 ст. 195 УК РФ деяний. Представляется, что нельзя исключать и проблему конкуренции на практике уголовно-правовых запретов внутри ст. 195 УК РФ, учитывая построение составов ч. 1 и ч. 3 рассматриваемой нормы по типу материальных. Избежать же такой универсальности законодатель не мог, так как без указания на криминообразующий признак «крупного ущерба» невозможно было бы обеспечить отграничение новой ч. 3 ст. 195 УК РФ от созвучного, но формального по конструкции административно наказуемого «воспрепятствования» (ч. 4 ст. 14.13 «Неправомерные действия при банкротстве» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁸).

Возвращаясь к логике нашего исследования, отметим, что другое проявление вышеуказанной тенденции (по расширению сферы преступного и наказуемого) описывается Н. А. Лопашенко как *отказ от криминообразующих признаков, наличие которых свидетельствовало ранее о преступности деяния*⁹. Это направление может быть проиллюстрировано на примере корректировки норм о преднамеренном и фиктивном банкротствах (ст. 196 и 197 УК РФ соответственно). Так, в результате изменений, внесенных Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ, из числа обязательных признаков субъективной стороны преднамеренного банкротства было исключено указание на мотив совершения данного преступления – «в личных интересах или интересах иных лиц». Что касается нормы о фиктивном банкротстве, то субъективная сторона этого деяния лишилась уточнения в виде цели совершения преступления – «в целях введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 6 дек. 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁹ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 216–217.

рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов».

Нельзя не отметить, что очевидным следствием вышеуказанных корректировок должна была стать принципиальная возможность более широкого применения норм ст. 196 и 197 УК РФ на практике. Но послужило ли и послужит ли в будущем исключение указанных уточняющих признаков субъективной стороны данных, безусловно, умышленных преступлений обеспечению качественной реакции на соответствующего рода отклоняющееся экономическое поведение? Ведь мотивационная составляющая криминальных банкротств, а также избираемые преступниками цели (ориентиры) выступают, как представляется, одними из важнейших критериев признания такой активности опасной для общества. Поэтому, например, при всей очевидной широте толкования на практике такого мотива, как совершение преступления «в личных интересах или интересах иных лиц», его, возможно, стоило бы уточнить (перефразировать), но не убирать из содержания нормы вообще.

С учетом высказанного сомнения, развернутый анализ которого требует отдельного внимания, отказ в процессе реформирования норм УК РФ от криминообразующих признаков, конкретизировавших ранее составы криминальных банкротств и свидетельствовавших о преступности деяния, сложно оценить в качестве однозначно положительного.

Третье выделенное Н. А. Лопашенко проявление тенденции по расширению сферы преступного и наказуемого применительно к экономическим (хозяйственным) преступлениям – *это отказ от специальных условий, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности за конкретные преступления*. Иллюстрируя свое исследование, изданное в 2009 г., автор ссылается на факт исключения из УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (с изм. по состоянию на 7 апреля 2010 г.)¹⁰ (далее – Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) примечания 2 к ст. 198 УК РФ, распространявшегося на нормы о налоговых преступлениях. При этом соответствующие действия законодателя оцениваются ученым как однозначно отрицательные, так как в результате была расширена сфера наказуемого по данным деяниям¹¹. В настоящее время предложенная оценка, полагаем, может быть пересмотрена. Ведь с 1 января 2010 г. действуют новые редакции примечаний к ст. 198 и 199 УК РФ, пункты 2 которых вновь предусматривают специальные случаи деятельного раскаяния¹². На 180 градусов

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

¹¹ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 217–218.

¹² В соответствии с закрепленными в примечаниях 2 к статьям 198 и 199 УК РФ положениями лица, впервые совершившие соответствующие налоговые преступления, а также преступление, предусмотренное ст. 199.1, освобождаются от уголовной ответственности, если ими будут полностью уплачены суммы недоимок, пеней и штрафов в размерах, определяемых в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации.

развернул ситуацию Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. по состоянию на 7 февраля 2011 г.)¹³.

Что же касается, собственно, норм о криминальных банкротствах, то до недавнего времени уголовный закон не содержал аналогичных специальных условий деятельного раскаяния как основания для освобождения виновных от ответственности. Однако Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴ (далее – Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) УК РФ был дополнен новой ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях экономической направленности». Часть 2-я указанной нормы содержит следующее правило: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 171.1, ч. 1 ст. 172, ч. 2 ст. 176, ст. 177, частями 1 и 2 ст. 180, частями 3 и 4 ст. 184, ч. 1 ст. 185, ст. 185.1, ч. 1 ст. 185.2, ст. 183.3, ч. 1 ст. 185.4, ст. 193, ч. 1 ст. 194, **статьями 195–197** (выделено мною. – А. К.) и ст. 199.2 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления».

Таким образом, процитированная новелла закрепила *специальные условия освобождения от уголовной ответственности за перечисленные в ней экономические преступления*, в том числе и рассматриваемые нами. И в этом смысле она отражает *diametralно противоположную предыдущей тенденцию* уголовной политики в отношении преступлений в сфере экономической деятельности – *к сужению преступного и наказуемого*¹⁵. И хотя в выделяемых Н. А. Лопашенко трех проявлениях последней тенденции, которые мы охарактеризуем ниже, такого варианта нет¹⁶, он логически вытекает из сопоставления этой тенденции с предыдущей. Но можно ли решение законодателя предусмотреть в уголовном законе и новые специальные условия освобождения от ответственности оценить как однозначно положительные? Даже поверхностный анализ содержания новеллы позволяет ответить на этот вопрос отрицательно. Причем такой вывод одинаково верен, на наш взгляд, как применительно к распространению положений ст. 76.1 УК РФ на случаи криминальных банк-

¹³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 1. Ст. 4.

¹⁴ Рос. газ. 2011. 9 дек. № 278.

¹⁵ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 218–219.

¹⁶ См.: Там же.

ротств, так и к факту применения новеллы по отношению к иным экономическим преступлениям, нормы о которых закреплены в гл. 22 УК РФ.

Дело в том, что перечисленные в новой ст. 76.1 УК РФ составы экономических преступлений относятся к категории преступлений небольшой и средней тяжести. Отсюда очевидно, что возможность освобождения от уголовной ответственности в случае совершения таких преступлений и ранее была предусмотрена в законе – как в ст. 75 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», так и в ст. 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» УК РФ. При этом в этих традиционных для правоприменителя нормах предусматривается именно право, а не обязанность освободить виновное лицо от ответственности в случае выполнения им соответствующих условий. Считаем, что такая конструкция полностью себя оправдывает и в принципе представляется более предпочтительной. Привычная формулировка закона позволяет действительно справедливо оценить постпреступное поведение виновного лица, взвесить все «за» и «против». Противоположные аргументы, предложенные авторами описываемой новеллы в пояснительной записке к законопроекту, – ссылки на имеющиеся «злоупотребления» при расследовании экономических преступлений¹⁷ – представляются попыткой переложить проблему отечественного правоприменения «с большой головы на здоровую». Вряд ли справедливо и корректно защищаться от недобросовестных правоохранителей, закрепляя в законе «прейскурант» освобождения от уголовной ответственности.

Но вернемся к озвученной выше *тенденции к сужению преступного и наказуемого по преступлениям в сфере экономической деятельности* и проанализируем конкретные ее проявления, коснувшиеся в том числе и рассматриваемых нами норм. Кстати, нельзя не отметить, что Н. А. Лопашенко оценивает все варианты этих трех проявлений данной тенденции как безусловно позитивные¹⁸.

Так, законодатель *прямо декриминализировал* принятие кредиторами должника, знающего о своей фактической несостоятельности (банкротстве), неправомерного удовлетворения их требований в ущерб другим кредиторам. Ранее запрет на того рода действия был предусмотрен в ч. 2 ст. 195 УК РФ до ее изменения Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ. С таким решением законодателя в общем и целом действительно нужно согласиться. Вряд ли оправданно говорить об общественной опасности поведения, которое в принципе полностью укладывается в общее представление о заботливом (рачительном) ведении бизнеса и направлено на предотвращение имущественных потерь, всегда угрожающих пассивным («неспешным») кредиторам несостоятельного должника.

¹⁷ См.: Пояснительная записка к проекту № 559740-5 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 218–219.

При этом последствия возможных нарушений принципов добросовестной и честной игры по правилам конкурсного процесса, которые и были за-прещены прежней формулировкой ч. 2 ст. 195 УК РФ, вполне могут быть скорректированы (компенсированы) широкими возможностями Закона о несостоятельности в его действующей редакции. Речь идет о признании сделок по приоритетному (внеочередному, непропорциональному) удовлетворению требований отдельных кредиторов недействительными в соответствии с нормами главы III.1 Закона о несостоятельности.

Другое проявление выше обозначенной тенденции заключается в *исключении преступного и наказуемого за счет установления дополнительных криминообразующих признаков деяния*¹⁹. В примере с нормой о преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК РФ) указанное уточнение заключалось в исключении из перечня возможных преступных последствий такой их разновидности, как «тяжкие последствия». Сделал это уже упоминавшийся Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Стоит отметить, что данный шаг законодателя, безусловно, имел положительный эффект. Так, был положен конец дискуссии о трактовке такого последствия, сопровождавшейся предложениями понимать его чрезмерно широко: как банкротство, крах контрагентов, психическое заболевание, самоубийство кредиторов или служащих организации-банкрота²⁰. С другой стороны, а справедливо ли применительно к рассматриваемым преступлениям ограничиваться исключительно и только их имущественными последствиями – крупным ущербом, образуемым прямыми, действительными потерями, реальным ущербом? Между тем такой подход стал почти традиционным в оценке последствий экономических составов, в первую очередь благодаря теории и практики ответственности за преступления против собственности (глава 21 УК РФ). Представляется, однако, что он не обеспечивает в полной мере надлежащей охраны ин-

¹⁹ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 219.

²⁰ Примеры чрезмерно, на наш взгляд, широкой трактовки «иных тяжких последствий» см.: Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С.132 ; Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 137 ; Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. проф. А. И. Рарога. М., 1998. С. 181. Категорическое возражение по вопросу отнесения названных последствий к последствиям криминальных банкротств, в первую очередь, обусловлено объективной невозможностью точного установления причинно-следственной их связи с поведением виновного. Так, банкротство кредитора действительно может выступать одним из следствий не выплаты ему должником денежных средств и причинения иных имущественных убытков. Но эти последствия вполне охватываются понятием крупного ущерба. При этом последовавшее за их причинением самостоятельное производство о несостоятельности кредитора-потерпевшего в любом случае напрямую не связано с действиями виновного. Что же касается иных последствий, то они вообще не вписываются в сферу охраняемых нормами ст. 195–197 УК РФ экономических (по своей природе) отношений. Представляется также, что они в принципе не могут охватываться сознанием виновного, который совершает именно экономические преступления.

ститута несостоятельности (банкротства) и урегулированных им общественных отношений. Ведь формально при таком подходе за рамками уголовно-правового воздействия оказываются случаи, повлекшие причинение вреда зачастую чрезвычайно опасного, но не подлежащего денежной оценке, а именно: вреда социального (безработица, нарушение трудовых прав работников), организационного, репутационного и др.²¹ С учетом сказанного воспринимаемая в целом как положительная отмеченная тенденция реформирования норм главы 22 УК РФ, на наш взгляд, проявила себя весьма двусмысленно по отношению к преднамеренному банкротству²². Представляется, что на современном этапе продолжающегося передела собственности, активным инструментом которого все еще остаются положения конкурсного процесса, лица, злоупотребляющие его возможностями, должны нести ответственность, в том числе и за причинение неимущественного вреда работникам искусственно обанкротившегося предприятия. Однако, безусловно, вопрос о характере, а возможно и величине (размере) такого рода последствий заслуживает отдельного внимания, выходящего за рамки настоящей работы.

Между тем оставшиеся как в ст. 196 «Преднамеренное банкротство» УК РФ, так и в других нормах о криминальных банкротствах последствия в виде крупного ущерба, как и схожие имущественные последствия большинства преступлений в сфере экономической деятельности, были уточнены вышеупомянутым Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. С вступлением соответствующих поправок в силу обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 195–197 УК РФ стала величина причиненного потерпевшим ущерба, которая в соответствии с положениями примечания к ст. 169 УК РФ должна была изначально превышать 250 000 рублей. Безотносительно к универсальности предложенного денежного выражения «крупного ущерба» и его отражения в твердой сумме, случившееся также можно было бы отнести на счет верных решений законодателя. Но сомнения в его непогрешимости

²¹ О необходимости более развернутого понимания «крупного ущерба» применительно к экономическим преступлениям, что, безусловно, смогло бы нивелировать отмеченные недостатки, в более ранних работах писала и Н. А. Лопашенко. Ученый убедительно обосновывала необходимость дифференцированного подхода к пониманию данной разновидности последствий преступлений в сфере экономической деятельности, в том числе и по причинам выделения здесь не подлежащего денежной оценке ущерба (например, потеря рабочих мест). См.: *Лопашенко Н. А.* Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ : проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» (с пояснительной запиской) // Налоговые и иные экономические преступления : сб. науч. статей. Вып. 1 / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2000. С. 18, 27, 29, 40.

²² Более подробную авторскую оценку корректировки положений ст. 195–197 УК РФ в части последствий криминальных банкротств, сделанную на основе анализа тогда еще проекта Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ см.: *Кудрявцев А. Г.* Преступные последствия криминальных банкротств: современные проблемы правового регулирования // Международно-правовые чтения. Вып. 2 / отв. ред. П. Н. Бирюков. Воронеж, 2003. С. 150–159.

вызваны наличием в экономике нашей страны такого неприятного и непроходящего явления, как инфляция. В подтверждение этих сомнений напомним об относительно недавнем, более чем показательном росте величины криминообразующего «крупного размера» до суммы в 1 500 000 рублей, как следствии принятия Федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ)²³. Кстати, такое решение законодателя само по себе выступает примером третьего проявления ранее озвученной тенденции по сужению преступного и наказуемого по преступлениям главы 22 УК РФ. Н. А. Лопашенко описывает это направление как *сужение сферы преступного за счет изменения значения криминообразующих признаков*²⁴. И, еще раз оговорившись о сомнениях в правильности закрепления в санкциях статей УК РФ штрафов в рублевых (твердых) величинах, в целом данное направление мы также считаем необходимым оценить скорее положительно.

Кстати, в двух последних из анализируемых нами фактов корректировки норм о криминальных банкротствах проявила себя также и другая выделяемая Н. А. Лопашенко тенденция реформирования главы 22 УК РФ. Она заключается в *стремлении законодателя обозначить более точные границы преступных деяний – границы криминализации*. В примере с описанными изменениями перечня и содержания последствий преступлений, связанных с банкротствами, выделенная тенденция выразилась в безусловно позитивном по своей сути направлении – *ограничении количества оценочных понятий за счет их законодательных дефиниций*²⁵. Другое положительное проявление рассматриваемой тенденции – *постепенно стали приводится в соответствие с позитивным законодательством формулировки составов экономических преступлений*²⁶. Применительно к анализируемым нормам указанное уточнение затронуло диспозиции всех составов криминальных банкротств. Так, Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ из норм ст. 195–197 УК РФ наконец-то (!) была изъята не известная гражданскому праву (и его составной части – праву корпоративному) категория «собственник предприятия (или коммерческой организации)», которую заменили на категорию «учредитель (участник) юридического лица». Анализ рассматриваемых норм в систематическом их толковании с положениями позитивного законодательства никогда не оставлял сомнений в том, что именно указанные лица всегда и имелись в виду. Диспозиция ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство» после правки Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ избавилась от категории «неплатежеспособность», которая на тот момент была не известна законодательству о несостоятельности (банкротстве) и вынужденно определялась

²³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 15. Ст. 1756.

²⁴ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 219.

²⁵ См.: Там же. С. 221.

²⁶ См.: Там же. С. 220–221.

учеными путем систематического толкования норм конкурсного процесса – как законов о несостоятельности, так и массива подзаконных актов²⁷.

Наконец, Федеральным законом от 19 мая 2010 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14.13 и 14.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 195 Уголовного кодекса Российской Федерации»²⁸ была в новой редакции изложена диспозиция ч. 3 ст. 195 УК РФ: теперь ее действие распространяется на случаи воспрепятствования деятельности временных администраций не только кредитных, но иных финансовых организаций. Понятие последних, как обобщающее и включающее изначально кроме кредитных также страховые организации, профессиональных участников рынка ценных бумаг, было чуть раньше уточнено и дополнено указанием на негосударственные пенсионные фонды и управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных инвестиционных фондов. Соответствующая правка § 4 «Банкротство финансовых организаций» главы IX «Особенности банкротства отдельных категорий должников – юридических лиц» Закона о несостоятельности была осуществлена Федеральным законом от 22 апреля 2010 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁹. Хотелось бы отметить, что подобного рода оперативное реагирование законодателя, скорректировавшего содержание взаимосвязанных норм разных отраслей российского права, – редкий положительный пример обеспечения системности последнего.

Знаковым нововведением Федерального закона от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ была замена в диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ прежнего признака объективной стороны неправомерных действий при банкротстве, указывавшего на обстановку совершения преступления – «при банкротстве или в предвидении банкротства», а равно субъективного признака, описанного в ч. 2 ст. 195 УК РФ, – «знающим о своей фактической несостоятельности (банкротстве)», на универсальную формулировку – «при наличии признаков банкротства». Признаки банкротства юридических и физических лиц определены в положениях ст. 3 и уточняются в ряде

²⁷ Необходимо, правда, оговориться, что категория «неплатежеспособности» в настоящее время введена в текст ст. 2 действующего Закона о несостоятельности Федеральным законом от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 18 (ч. 1). Ст. 2153). Теперь она определяется в абз. 34 ст. 2 как «прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. При этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное». С учетом такого законодательного уточнения осмелимся предположить появление в ближайшем будущем нового «прочтения» теорией соответствующих положений объективной стороны преднамеренного банкротства.

²⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 21. Ст. 2530.

²⁹ Там же. № 17. Ст. 1988.

других норм Закона о несостоятельности для некоторых категорий должников³⁰. И это их принципиальное отличие от прежде употреблявшихся в диспозициях указанных статей УК РФ описательных категорий. Безусловно, такое изменение диспозиций указанных норм опять-таки призвано обеспечить простоту и удобство применения анализируемых положений уголовного закона на практике³¹. Однако может ли быть такая замена оценена как однозначно положительная? Позволим себе и здесь высказать небольшие сомнения.

Представляется, что, сняв неопределенность правового характера, законодатель, вероятно, и не задумываясь над этим, заложил основу для новых потенциальных проблем в оценке «пограничных» (криминал/предпринимательский риск) ситуаций. Соответствующая граница – между несостоятельностью (банкротством), сопровождающейся разного рода злоупотреблениями, и рискованными, но допустимыми с точки зрения экономической составляющей, а потому весьма распространенными примерами хозяйственной активности – может быть еле уловима. Ведь само по себе наличие значительной кредиторской задолженности, в том числе просроченной, и в размере, превышающем 100 000 рублей, – это ситуация, не столь уж редкая для современной предпринимательской сферы (делового оборота), тем более в современных кризисных и посткризисных условиях. Получается, однако, что, формально, на фоне соответствующей экономической ситуации, любые сделки и иные действия предпринимателя (организации) могут вызвать интерес к себе на предмет их «неправомерности» в свете положений ст. 195 УК РФ. Вот здесь для правильного разграничения криминальных и правомерных действий, существенное подспорье могла бы оказать дополнительная (кроме установления умысла) привязка основания уголовной ответственности к субъективному компоненту происходящего. В определенном смысле ранее такую роль и играли те самые признаки прежней редакции составов ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ: «предвидение банкротства» и осведомленность виновного о «своей фактической несостоятельности».

³⁰ Общее правило ст. 3 Закона о несостоятельности уточняется для отдельных категорий должников – речь о признаках банкротства финансовых организаций (ст. 183.16), страховых организаций (ст. 184.2), стратегических предприятий и организаций (п. 3 ст. 190), субъектов естественных монополий (п. 2 ст. 197), индивидуальных предпринимателей (ст. 214) и крестьянских фермерских хозяйств (ст. 217). Кроме того, для кредитных организаций также отличные от общих признаки банкротства закреплены в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (с изм. и доп. по состоянию на 19 июля 2009 г.) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 9. Ст. 1097).

³¹ Неопределенность ранее использовавшихся категорий (признаков) вызывала и в теории, и на практике серьезные затруднения: что же понимать под состоянием «при банкротстве», что представляет собой его «предвидение», что указывает на осведомленность о собственной «фактической несостоятельности», и чем последняя отличается от несостоятельности юридической?

Что же касается вновь введенных в текст рассматриваемых норм признаков, то, возможно, стоило бы рассмотреть вопрос об их уточнении (или дополнении) указанием на определенные временные (ретроспективные) рамки совершения соответствующих действий, в границах которых сомнительные действия и оценивались бы с позиции их неправомерности. Но, безусловно, это весьма сложный вопрос, и его самостоятельный анализ, к сожалению, также выходит за пределы допустимого объема настоящей публикации.

Н. А. Лопашенко обозначена и такая положительная тенденция реформирования норм об экономических преступлениях, как *тенденция к усилению дифференциации уголовной ответственности* за их совершение³². Однако применительно к нормам о криминальных банкротствах указанная тенденция себя никак не проявила. Что же касается уже неоднократно упоминавшегося дополнения ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве» частью 3-й, то соответствующую новеллу корректнее все же рассматривать с позиции криминализации деяния (на наш взгляд, неудачной), а не в свете усиления дифференциации ответственности по существующей норме. Как уже было сказано выше, законодатель Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ не уточнил (не дифференцировал) признаки существующего состава преступления, а дополнил ст. 195 УК РФ описанием совершенно нового деяния.

А вот неприятная *тенденция отсутствия ясной и последовательной политики в пенализации экономических преступлений*³³ отразилась и на рассматриваемых составах преступлений. И речь идет не только о корректировке штрафных санкций ст. 195–197 УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, поскольку ее испытали на себе почти все нормы Особенной части УК РФ. Не оцениваем мы здесь детально и самые свежие изменения санкций большинства статей уголовного закона, связанные с введением Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в систему наказаний такой их новой разновидности, как принудительные работы. Отметим лишь, что благая идея гуманной замены лишения свободы иными видами наказания, не связанными с его реальным отбытием в соответствующих местах, нивелируется самим фактом абсолютно неоправданного загромождения системы отечественных уголовных наказаний указанной их разновидностью, введение которой, кроме того, потребует огромных материальных затрат. Кстати, продолжая «гуманизировать» уголовный закон и убрав минимальную продолжительность обязательных работ, законодатели одновременно повысили максимальную их продолжительность с прежних двухсот сорока до четырехсот восьмидесяти часов (подп. в 114) ст. 1 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ).

Однако в связи с последней обозначенной тенденцией более показательна судьба такого предусмотренного в санкции ч. 1 ст. 195 УК РФ вида

³² См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 221–222.

³³ См.: Там же. С. 222–223.

наказания, как лишение свободы. Так, если первоначально в санкции части первой указанной статьи был установлен максимальный размер наказания в виде двух лет лишения свободы, то Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ он был увеличен до трех, что указывает на ужесточение реакции государства на такого рода преступления. С другой стороны, изначально предусмотренные в санкциях ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ трехлетние сроки ограничения свободы были «сокращены» законодателем до двух лет в рамках реформирования соответствующего вида наказания³⁴.

Таким образом, можно отметить, что нормы о криминальных банкротствах, как, впрочем, и все уголовно-правовые запреты в сфере экономической деятельности, продолжают оставаться объектом активного законодательного экспериментирования. За редкими исключениями, осуществляемые корректировки не отличаются продуманностью соответствующих новелл, а частота изменений как всей главы 22 УК РФ, так и ее небольшой части – группы преступлений, связанных с банкротством (ст. 195 – 197 УК РФ) – заставляет задуматься о существовании взвешенной уголовной политики государства на сей счет. Приходится констатировать, что таковой на сегодняшний день, скорее, нет.

³⁴ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон Рос. Федерации от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453. Корректировка санкций анализируемой статьи предусмотрена подп.а), б) п. 46) ст. 1 указанного Федерального закона.

Воронежский государственный университет

Кудрявцев А. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

E-mail: kudris@mail.ru

Тел.: 8-903-652-51-90

Voronezh State University

Kudryavtsev A. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department

E-mail: kudris@mail.ru

Tel.: 8-903-652-51-90